Я куплю тебе новую жизнь

Автор:
Елена Гордина

Я куплю тебе новую жизнь

Елена Гордина

Лихая и азартная. Современная криминальная мелодрама

Когда-то Ксюша Нехорошева была простой девчонкой из неблагополучной семьи, работала в ларьке и даже не надеялась на чудо. Теперь Ксения Владимировна Ивлева – жена преуспевающего бизнесмена и может получить все, что только захочет. Но цена этого благополучия велика: муж требует молчать об убийстве. Что предпочесть: деньги и привычный уютный мирок или справедливость и возмездие? Ксения оказалась перед сложным выбором…

Елена Гордина

Я куплю тебе новую жизнь

© Гордина Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Все события и персонажи в романе вымышлены.

Любое совпадение случайно.

Несмотря на то что был седьмой час вечера, солнце все еще припекало очень сильно, и жара вовсе не собиралась спадать. Ксюша исподтишка наблюдала за порядком захмелевшим мужем, потихоньку начиная волноваться. «Странно, за стол мы сели всего час назад. И как он умудрился так быстро опьянеть? Наверное, из-за духоты… душно просто невыносимо… да еще и на солнце сидим. Зачем, спрашивается, праздновать день рождения в конце августа на природе? Неужели нельзя было, как обычно, арендовать ресторан и там спокойно отдохнуть? С кондиционером, без насекомых, которых здесь была целая туча, с нормальными официантами, а не с этими подсобными рабочими». И с раздражением хлопнула себя ладошкой по плечу, пытаясь согнать очередную муху. Даже не муху, а целого овода, которых у Навалихиных на даче была тьма-тьмущая. То ли неподалеку притаившееся озеро, то ли местная пасека виной всему, Ксюша в этом не разбиралась. Просто ей было плохо, а все потому, что на даче… Ксения была крайне удивлена решением Навалихиных отмечать юбилей Марата у себя в загородном доме. Как говорится, и на природе, и в кругу самых близких людей. А они, Ксения и Евгений Ивлевы, – одни из тех самых близких людей.

Конечно, двухэтажный особняк с прислугой, пусть и не слишком вышколенной, а временами и откровенно хамоватой, но все-таки создающей определенный комфорт и задающей, так сказать, уровень жизни, назвать «дачей» и «домиком на природе» можно лишь с большой долей иронии. Особняк вполне годился и для круглогодичного проживания, но Марат зимних пейзажей не любил, а потому семья обитала в особняке исключительно летом. Однако ни разу за двадцать лет знакомства Навалихины не отмечали в загородном доме даже простого дня рождения, не говоря уж о юбилеях. Ксюша даже подумала, может, у Марата какие-то проблемы с бизнесом, и поэтому он в свой день рождения прячется среди оводов и мух, заодно обрекая на эти адовы муки и лучших друзей.

Ксюша оглядела компанию: сами хозяева «приема» Навалихины Оксана и Марат, семейство Шубиных – Татьяна и Анатолий и она с мужем. Со стороны смотрятся очень даже неплохо: респектабельные дамы и господа решили отдохнуть на лоне природы – живописный ландшафт, белый шатер, внутри изящная плетеная мебель, ну и, как водится, горячий шашлычок, свежие овощи, водочка. Хотя если бы удалось обойтись без водочки, ну и без насекомых, конечно, тоже, Ксения чувствовала бы себя спокойнее. Однако выбирать не приходится – друзья есть друзья!

– Маша, будь так любезна, принеси-ка нам графинчик соку! Апельсинового, и похолоднее! – попросила Оксана дочку домработницы. Маша, смышленая бойкая девочка лет десяти, кивнула и, подпрыгивая, помчалась в дом. А что делать: семья неполная, мама вечно занята, вот дочка и при ней весь день, но зато не по годам сообразительна и усердна.

– Эксплуатация детского труда! – громко рассмеялся изрядно подвыпивший Анатолий Шубин. – Не боишься, что запишут в феодалы?

– Ой, да прекрати ты, – тотчас отозвалась Оксана.

Дама Оксана, конечно, эффектная – четкие скулы, стильная короткая стрижка, вечно прищуренные глаза, но весьма и весьма крутого нрава. Отчасти из-за любви к пластическим операциям, отчасти из-за характера выражение лица она имела не самое приятное – казалось, она всех так презирает, что смотреть на мир может только со злым прищуром. К тому же Оксана действительно была склонна командовать всеми и каждым в отдельности. В бизнесе своего мужа фактически первое лицо: финансовый директор, управляющая розничной сетью, а заодно вездесущий «цербер» и главная карательная инстанция. Напрямую Ксюша никогда не спрашивала, однако предполагала, что карать Оксане нравится больше всего. Людей увольняла «пачками», за малейшую провинность, а так как в небольшом городке с работой было совсем плохо, то и держались люди зубами за свои места. Ксюша никогда не осуждала Оксану – сама она ничего не понимала в бизнесе и мужу помогала исключительно тем, что поддерживала чистоту и уют в их доме и воспитывала дочь Ольгу. Но сейчас, наблюдая, как девочка Маша резво побежала за напитками для хозяйки, мысленно поблагодарила судьбу – ведь ни ей, ни ее дочери прислуживать никому не нужно. Глубоко уйдя в эти невеселые мысли, Ксения не заметила, как ее муж Женя, опрокинув еще пару стопочек, встал из-за стола и что-то предложил друзьям. Лицо у Жени было красное, прямо-таки пылающее, но выглядел он целеустремленным.

– Пойдемте прямо сейчас! – Марат, одержав героическую победу над своим животом, все-таки смог вылезти из глубокого плетеного кресла. Пуговицы на рубашке лимонного цвета расстегнулись, толстая «пятая точка» и тонкие ноги, облепленные узкими не по возрасту брюками, смотрелись поистине комично. Марат замахал руками и громко крикнул: – Пойдемте прямо сейчас!

Ксюша с ужасом поняла: хозяин дома смертельно пьян, но вот куда же он всех так настойчиво зовет, сообразить никак не могла.

– Я за! – согласился и Анатолий Шубин.

Примерный муж и счастливый отец трех дочерей, он, кажется, оставался самым трезвым. Видимо, жизнь с рассудительной Татьяной приучила его всегда контролировать количество выпитого.

– Вы куда собрались?

Оказывается, Оксана тоже все прослушала, хотя и опомнилась первой. Она подошла к мужу и хотела его обнять, но разгоряченный супруг дернулся и легко ударил ее по руке.

– Не лезь, баба, в мужские дела! – рявкнул он, и Оксана молча ретировалась.

Ксюша, уже привыкшая к подобным выходкам Марата за долгие годы дружбы, и внимания на эту мини-потасовку не обратила. Но желание мужчин куда-то бежать ее все больше пугало. Когда пьяные мужики собираются «оторваться», это всегда заканчивается плохо.

«Неужели они собрались ехать купаться?» – догадалась Ксюша и решила ни в коем случае не отпускать мужа. Ни за какие коврижки! Все что угодно – она была готова вцепиться в своего Женьку руками и ногами, но не позволить ему сесть пьяному за руль, пусть и ехать до озера всего-то пару километров.

Однако мужчины все же покинули шатер и, пошатываясь, направились к дому.

– Куда они? – Таня Шубина заметно волновалась.

Ксюша про себя отметила, что после рождения третьей дочери Татьяна стала намного беспокойнее, чем раньше. Оно и понятно: после сорока родить третьего ребенка, когда старшей дочери уже двадцать один год… Это прямо подвиг! Или безумие, с точки зрения самой Ксюши. Решительности Татьяне, конечно, не занимать, но ведь и безрассудства тоже… Додумать Ксюша не успела – проблема с пьяными мужчинами была важнее и требовала немедленного

решения.

– Женька! Вы куда собрались? – крикнула она мужу, медленно идущему за Маратом к дому.

– Мы пойдем стрелять! – наконец-то отозвался Марат и остановился, пьяно шаря глазами по сторонам.

– Что? – воскликнула Татьяна, подбежала к Анатолию и схватила мужа за руку. – Вы что, совсем перепили?

– Это от жары их так развезло! – откликнулась Оксана. После отповеди супруга она устроилась на садовых качелях и лениво потягивала ледяное пиво из большой кружки. – А я ведь говорила: не надо в такую жару пить водку!

– Надо было в ресторан идти!

Ксюша уже едва сдерживала раздражение. Мало ей безбожно кусающихся комаров и мошек, так мужчины еще и стрелять собрались!

– Да не волнуйтесь вы! – Марат повернулся к женщинам и похлопал себя по толстому животу. – Мы только до леса… Немного постреляем по белкам и вернемся.

– Зачем? – Татьяна тянула мужа к себе. – Что за ерунда? Вам белок не жалко?

– Белки – это твари лесные! – рассмеялся Марат. – Чего их жалеть?

– Мы поспорили, – Евгений помахал жене рукой, – можно ли на самом деле попасть белке в глаз или нет. Если кто-то попадет, то выиграет тысячу евро. Так сказать, приз за меткость.

Ксения лишь всплеснула руками – она знала: если мужу что-то втемяшится в голову, то отговорить его невозможно. «С другой стороны, может, и ничего, – размышляла Ксюша, пытаясь унять неприятную нервную дрожь, – ну постреляют в лесу по белкам из травматического пистолета. Конечно, ни в одну не попадут, потому как пьяные. Потом вернутся на дачу и завалятся спать. Действительно,

зря мы так переполошились!» Но при этом Ксению не покидало мрачное, тяжелое предчувствие: она ведь до последнего не хотела ехать на дачу, да Женька уговорил. «Как не ехать? Это же мои друзья! У Марата юбилей!» А если бы не он…

Ксения махнула рукой и крикнула Тане, все еще державшей мужа за руку, словно он мог убежать и больше никогда не вернуться:

– Да пусть они идут куда хотят! Таня! Оставь ты их в покое!

– И я говорю, – подала голос Оксана. – Пусть идут в лес и стреляют в белок, раз уж приспичило.

Пока женщины спорили, Марат ушел в дом и вернулся уже с пистолетом в руках.

– Пошли! – махнул рукой друзьям, и, пошатываясь, направился к задней калитке, через которую можно было выйти к лесу, начинавшемуся сразу за домом.

– Сок куда ставить? – Неожиданно рядом с Маратом возникла улыбающаяся девочка Маша.

– Вон туда! – Марат снова махнул рукой, в которой был зажат пистолет, пошатнулся и едва не упал, нелепо балансируя на месте. Однако равновесие удержать не удалось, Марат начал падать и инстинктивно вытянул перед собой руки, а потом резко дернул кистью правой, и раздался выстрел. Все произошло так ошеломительно быстро, что осознать случившееся было просто невозможно. Еще секунду назад Марат разговаривал с девочкой, а теперь стоит на коленях и смотрит, как Маша неловко оседает рядом. Девочка до последнего не выпускала из рук графин, она так и упала вместе с ним, и лишь когда оказалась на земле, разжала пальцы.

Во дворе повисла мертвая тишина. Ксения с каким-то суеверным ужасом смотрела на небольшую, аккуратную дырочку в голове у ребенка и силилась понять, откуда столько крови на садовой дорожке.

– Господи! – Татьяна, стоявшая ближе всех, отшатнулась от Марата и закрыла лицо руками. – Ты же ее убил!

Марат продолжал стоять на четвереньках – он удивленно смотрел то на неподвижно лежавшую девочку, то на лужу крови, то на свою руку, в которой до сих пор был зажат пистолет.

Первой пришла в себя Оксана. Она бросилась к лежавшей навзничь Маше, опустилась на колени и зачем-то осторожно приподняла ее голову. Но и без этого было ясно: девочка мертва, а вот видеть ее затылок, полностью уничтоженный выстрелом, было просто невыносимо…

Ксюша отвернулась, ее едва не вырвало, кровь стучала в висках, и она едва сдерживалась, чтобы не закричать в голос. Она моментально протрезвела (хотя и выпила-то всего один бокал пива) и могла думать только о том, как из дома выйдет мать девочки, и тогда начнется такое…

– Закрой тело брезентом! – крикнул Марат Анатолию, с трудом вставая на ноги. – Это был несчастный случай! Вы все видели: я не виноват! – Навалихин мрачно смотрел на друзей. – У меня через четыре месяца начинается предвыборная кампания! Я не собираюсь лишаться депутатского кресла из-за такой ерунды!

Все молчали, а Ксюша вновь и вновь корила себя за то, что поддалась на уговоры мужа и согласилась поехать к Навалихиным. Чертов юбилей, будь он неладен!

– А ее матери ты что скажешь? Тоже: я, мол, не виноват и это был несчастный случай? – Евгений, стоя рядом с телом девочки, дышал тяжело, с хрипами. Ксения даже испугалась за мужа.

– Это тебя не касается! – грубо оборвал его Марат и пошел в дом.

Анатолий все же сбегал за брезентом, накрыл тело, и теперь из-под черной ткани торчали только две худеньких ноги в желтых босоножках. Почему-то именно эти желтые босоножки добили Ксению окончательно, она громко вздохнула и разрыдалась.

– Все! День рождения закончен! – Бледная, но решительная Оксана, взяла дело в свои руки. – Дальше мы решим проблему сами. А вас я попрошу вести себя как обычно. Мы же друзья, не так ли?

Первыми сдались Татьяна и Анатолий – молча направились к своей машине. Ксения и Евгений последовали за ними. Не прощаясь, друзья разъехались в разные стороны.

– Пистолет был не травматический, а боевой… – пробормотала Ксения и покосилась на мужа.

Муж был бледен и сидел на пассажирском сиденье, мрачно глядя в одну точку. Затем она осторожно развернулась и выехала на асфальтированное шоссе, ведущее в город.

– Я это заметил! – глухо отозвался Евгений, и за всю дорогу они больше не обменялись ни единым словом.

Часть первая

За двадцать лет до этого…

Глава 1

Ксения долго сидела на подоконнике, свесив ноги наружу. Прохладный утренний ветер обдувал ее голые ступни. Было немного страшно: все-таки девятый этаж, стоит один раз неловко пошевелиться – и упадешь, причем без шансов на выживание. Осторожно дотянувшись до кружки с кофе, предусмотрительно прихваченной с собой, Ксюша закурила. Конечно, сигареты – это яд и все такое… Ксюша вовсе не была глупой и безалаберной, но уж очень хотелось есть, а сигарета хотя бы немного притупляла чувство голода. Всего через два месяца она наконец-то защитит диплом, станет молодым специалистом, устроится на приличную работу, снимет квартиру, начнет нормально питаться и, конечно, будет следить за своим здоровьем.

– А пока как-то так, – произнесла вслух Ксения и затянулась.

Ей нравилось курить, но вот запах табака… Каждого курильщика преследует дурной запах изо рта, да и вообще иногда кажется, будто от тебя несет, как от ведра с протухшей рыбой. Девушка старалась курить поменьше и всегда носила с собой жевательную резинку, но чувство дискомфорта все равно оставалось.

– Опять на окне сидишь? – В кухню зашла Ольга – однокурсница, с которой они снимали квартиру. – Подвинься, – и примостилась рядом на подоконнике. Правда, свесить ноги наружу побоялась. – Неужели не страшно?

– А чего бояться? – Ксюша потянулась и осторожно повернулась к подруге. – Не самая плохая смерть, знаешь ли. Умереть в полете, а не от старости или захлебываясь собственной рвотой, когда подыхаешь от рака. Я вообще… когда доживу лет до сорока… и если доживу, конечно… – Ксения усмехнулась, – пойду на Эверест.

– Зачем? – Ольга тоже закурила.

В холодильнике у девчонок уже неделю не было ничего, кроме килограмма картошки, готовить и есть которую вовсе не хотелось.

– А чтобы умереть на подъеме. Не хочу становиться дряхлой.

Ксения спрыгнула с подоконника и подошла к зеркалу, висевшему над кухонной раковиной. Квартира, которую они снимали, принадлежала немолодой женщине и была старой, неухоженной. Женщину забрали к себе дети, а «однушку» стали сдавать. Так сказать, со всеми удобствами, понимай, с разваливающейся мебелью, текущими кранами, с зеркалом над раковиной на кухне при отсутствии оного в ванной. Но ничего менять было нельзя, даже мебель переставлять хозяйка запретила строго-настрого.

– Представляешь, – Ксения внимательно всматривалась в собственное отражение, – мне когда-нибудь будет сорок лет, и моя жизнь закончится. Я стану толстой, с такими огромными отекшими ногами и отвисшей грудью, у меня будут пухлые щеки и появятся морщины. Ужас! – девушка передернула плечами и грустно рассмеялась. – Уж лучше умереть в горах, чем дома от старости и простуды. Так, по-моему, у Высоцкого?

– Я не помню, – Ольга отмахнулась. – Но ты слишком мрачно смотришь на жизнь, это – точно.

– Я реалистично смотрю на жизнь.

И Ксюша отправилась в ванную…

Родители Ксении Владимир Сергеевич и Нина Гавриловна как раз и были ярчайшим примером того, как человек в сорок лет может превратиться в развалину. Отец работал слесарем на оборонном заводе и приносил домой неплохие деньги, но на эти деньги жила вся семья: мать, два Ксениных брата и маленькая сестра. А поскольку дети постоянно болели, то Нина Гавриловна как ушла в первый декрет с Ксюшей, так больше на работу и не выходила. Поэтому, когда Ксения заикнулась о том, чтобы и ей, студентке, хоть немного помочь, мать лишь грустно рассмеялась:

– Ксюш, ты же знаешь, у нас папа один работает… Хорошо хоть, не впроголодь живем. Братья растут быстро, им то ботинки, то куртки, а Машке еще и лекарства нужны дорогие. Если что и остается, мы копим – положили в надежный банк под большие проценты, уже через пару лет сможем обменять нашу квартиру на двухкомнатную.

Нина Гавриловна, всю жизнь прожившая в «однушке» с мужем и четырьмя детьми, мечтала только об одном – накопить много денег и поменять с доплатой их квартиру на большую. Поэтому ровно половину отцовской зарплаты исправно клали на счет в банк, под какие-то особо высокие проценты. И без того небольшие доходы семьи, несколько лет как урезанные вдвое, позволяли существовать лишь на грани выживания. Да еще младшая сестра Ксении родилась недоношенной и до сих пор (ей уже исполнилось пять лет) непрерывно болела. На лечение тоже требовались деньги, и немалые.

Конечно, Ксения сама все это понимала и от родителей особой помощи никогда не ждала. Просто ей было непонятно: зачем рожать столько детей, если их так тяжело воспитывать на одну зарплату? Но задавать такие вопросы отцу с матерью она не осмеливалась.

Поэтому, поступив в институт, Ксения начала подрабатывать ночным продавцом в киоске. В принципе, работа ей даже нравилась – она и вздремнуть успевала, и

к сессии подготовиться. Но так или иначе работала и училась она практически круглыми сутками, и от этого, конечно, сильно уставала. К счастью, Ксения была оптимисткой, жила одним днем и особо не переживала. Утешала себя тем, что скоро получит высшее образование и тогда уж точно не пропадет. А самое главное – у нее был Максим. С Максимом они встречались уже почти три года – это была сильная, страстная и обоюдная любовь. Ксюша была почти уверена, что после получения диплома молодой человек сделает ей предложение руки и сердца.

…В легком халатике Ксюша вошла в комнату. Ольга лежала на кровати лицом к стене.

– А ты на «пары» не идешь? – удивилась Ксюша. – У нас же занятия через полтора часа.

– Нет, не иду. – Ольга даже не повернулась.

Девчонки вместе учились, вместе жили, и Ксюша считала Олю даже не подругой, а скорее сестрой.

– Оля, что случилось? – Ксения, быстро переодевшись в джинсы и футболку, присела рядом с ней. – Ты с Сергеем поругалась? Его не было, когда я с работы вернулась… Он ушел ночью? Все нормально?

Пока Ксения работала в ларьке, у них дома часто оставался ночевать Ольгин парень – смазливый Сергей, якобы занимавшийся бизнесом. Парень он и впрямь был не промах: купил вагон дешевого ликера в бутылках, в каком-то сарае наклеивал фирменные этикетки и развозил уже «элитный алкоголь» по киоскам. Да и сама Ксения торговала этим ликером. Город у них был небольшой, все друг друга знали, и не было ничего удивительного в том, что Сергей поставлял свою продукцию и Евгению, хозяину киоска, в котором Ксюша работала.

– Оля, что ты молчишь?! – Ксюша осторожно похлопала Ольгу по плечу. – У тебя все нормально?

– Я беременна, – с трудом произнесла девушка и вновь замолчала.

– Откуда ты знаешь?

Ксюша даже замерла от неожиданности. Она ожидала всякого, но только не такого.

– Я в понедельник ходила к врачу – сдала анализы, а вчера пришел результат.

– Значит, это точно?

Ксюша в ужасе сжалась. Что греха таить, и у них с Максимом отношения были отнюдь не платоническими… Конечно, они всегда предохранялись, но одна только мысль о незапланированной беременности заставляла Ксению паниковать.

Родители Максима, папочка – директор комбината и мамочка – главный бухгалтер этого же комбината, вряд ли были бы рады незаконнорожденному внуку. С Ксюшей у них вообще были сложные отношения. Да что там сложные! Они Ксюшу откровенно не любили – за «босяцкое» происхождение, за нищих родителей с огромным выводком детей. И это их собственные слова – в выражении чувств родители Максима не стеснялись. Хотя в последнее время они вроде бы и смирились с выбором единственного сына, но разрушать хрупкий «худой мир» внеплановой беременностью Ксюше очень и очень не хотелось. Поэтому вопрос контрацепции был у них с Максимом в приоритете. Тем более в Ксюшином ларьке этого добра… в смысле, которое и с усиками, и с пупырышками, и светится… было навалом. Ксюша и Ольгу снабжала… теми самыми изделиями…

– Оля, а вы разве не предохранялись? – Ксения сильнее потрясла подругу за плечо. – Я же их домой приношу пачками.

– Ну да, но только сначала вроде было безопасно, а потом Сергей сказал, ему надоело, вот мы и решили… – промямлила Ольга.

Ксюша замолчала. Услышанное нужно было обдумать. Сейчас начало мая, диплом они получат в конце июля… а значит… – Срок какой?

– Три месяца, – буркнула Ольга.

– Сколько? – Ксюша вскочила на ноги. – Как три месяца? Ты больная на всю голову? У тебя три месяца не было месячных, а ты и не заметила? Почему ты куришь? Ты же куришь! – Девушка заметалась на крохотной комнатке.

– У меня два месяца было… правда, совсем чуть-чуть, – вяло отозвалась Ольга и повернула к подруге зареванное лицо. – Я думала, это от голода так…

– А так бывает?

Ксюша вернулась на диван и обняла подругу. Не переставая, впрочем, думать о том, что такое могло приключиться и с ней и это был бы конец света.

– Видимо, бывает.

Ольга вывернулась из объятий, встала и пошла на кухню. Открыла окно и закурила. Ксюша отправилась следом.

– А малышу не повредит? – она кивнула на сигарету.

– Малыша не будет. – Ольга смотрела куда-то вдаль, на проснувшийся и шумный город. – Я сегодня запишусь на аборт, есть еще неделя, пока можно сделать.

– Почему? А Сергей как же? – Ксения дрожащими руками взяла сигареты с холодильника и тоже закурила.

– Сергей сказал, ребенок не его и между нами все кончено, – ответила Ольга и грустно улыбнулась. – Знаешь, Ксюш, я даже не из-за Сергея переживаю, я до смерти боюсь делать аборт. Говорят, просто чудовищно больно…

У Ксении стыла кровь в жилах. У них в группе была такая Марина – девушка без комплексов или, если говорить прямо, гулящая. Так вот она однажды делала аборт, и, по ее словам, боль была просто невыносимая.

Ксюша подошла к подруге и уткнулась носом ей в плечо:

– Я с тобой пойду, все будет нормально. Сейчас главное не завалить диплом, а там разберемся.

Ольга благодарно улыбнулась:

– Ты правда пойдешь со мной? Я ужасно трушу.

– Конечно! – Ксения посмотрела на часы. – А сейчас давай собирайся! Мы и так уже опаздываем на пары.

Пока Ольга одевалась, Ксюша успела сделать легкий макияж. Ей, конечно, повезло: природа наделила девушку безупречной красотой, но и о безупречной красоте нужно заботиться. Поэтому Ксюша, невзирая на скудные средства, старательно следила за фигурой, волосами, лицом и руками. Если бы не одни и те же джинсы в любое время года и видавшие виды кроссовки, ее запросто можно было бы принять за модель с обложки всеми любимого женского журнала, того самого, читательницы которого веселые, бесстрашные и женственные. Ксения была довольно высокой, 175 см, она немного недотягивала до параметров своей любимицы Эль Макферсон по росту, но зато почти полностью соответствовала ее остальным параметрам. Высокая грудь, тонкая талия и, главное, стройные, умопомрачительно стройные ноги, которыми Ксюша по праву гордилась. А еще она была такой трепетной, тонкой, звонкой, натянутой как струна, казалось, что это не девушка, а легкий, невесомый эльф. Ну, по крайней мере, так о ней всегда говорил Максим.

Подбегая к зданию института, Ксюша заметила машину Максима. Парень ждал ее возле входа.

– Я к Максу! – Ксения махнула Ольге рукой и бросилась к любимому.

– Солнышко мое зеленоглазое, – забравшись в автомобиль, Ксюша поцеловала его в губы, – мое счастье, мое сокровище. Ты хоть знаешь, как я тебя люблю?

– Ты чего? – удивился Макс, хотя и сам пожирал Ксению влюбленными глазами. – Вчера же виделись?

– Ночь без тебя – это уже много! – рассмеялась Ксюша и хотела было выложить все последние новости про Ольгу и ее интересное положение, но передумала.

«А вдруг он решит, будто я так ему намекаю? Или проверяю, как он поступит, окажись я тоже беременной?» С одной стороны, Ксюша была уверена: если бы она оказалась беременной, Макс бы на ней обязательно женился. Она это знала, чувствовала. Но с другой стороны… И решила пока ничего про Ольгу не рассказывать, хотя раньше у нее от Макса секретов не было.

– Я тоже очень скучаю, – парень поцеловал ее и погладил по коленке. – Ксюш, давай-ка бросай эту ночную работу, выглядишь усталой!

– Ты же знаешь… – Ксюша отвернулась, достала из сумочки пачку сигарет и закурила. – Ты же знаешь, мне надо помогать родителям.

Это была «больная тема» и вечно не заживающая рана в их отношениях. Ее родители. Половину своей зарплаты Ксюша отдавала в семью и принципиально не принимала помощи Макса. У него были деньги – он подрабатывал программистом у отца на комбинате, да и карманных денег мамочка с папочкой давали немало. И Макс был готов помогать любимой, но Ксения позволяла только платить за обеды, покупать вкусненькое для совместных выездов на природу или сигареты и упорно продолжала работать. Максим был против и не раз об этом говорил. Со временем он даже стал ругаться: говорил, что просто ненавидит ее родителей, их никчемность и то, как они издеваются над своей дочерью.

– Они меня ни о чем не просят! Я сама им помогаю!

Ксюша всегда горячо вступалась за семью, хотя в глубине души и чувствовала некоторую правоту любимого. Может быть, ее матери следовало найти хоть какую-то работу. Пусть подработку, пусть полы мыть вечерами в подъезде. Но не брать денег у дочери-студентки, которая работает ночами и едва-едва зарабатывает на еду. Ксюша это понимала, но вслух не говорила. И в конце концов Максу пришлось смириться с таким положением дел. Однако знакомиться с ее родителями он наотрез отказался.

– Ты слишком много куришь!

Максим демонстративно начал разгонять рукой сигаретный дым. Сам он не курил, занимался спортом и вел здоровый образ жизни.

– Прости, прости. – Ксюша тут же потушила сигарету. – Ты прав – это отвратительно! Я знаю. Я брошу, совсем скоро брошу. Как только получу диплом…

Ксюша неожиданно осеклась и покраснела, потому что едва не сказала: «Как только получу диплом и мы поженимся». Она знала: родители Макса против свадьбы во время учебы, и соглашалась с ними. Но когда они с Максом станут самостоятельными, с высшим образованием, с работой… Было бы вполне логично пожениться… И вряд ли его родители тогда будут против…

Но парень, казалось, не заметил ее досадной промашки. Молча выйдя из машины, он открыл Ксюше дверь и сказал:

– Давай дуй на пары, вечером встретимся.

Выпорхнув, Ксения поцеловала любимого в уголок губ:

– Заезжай к нам часов в восемь вечера: я уже проснусь, но еще буду дома.

Иногда Ксюша, вернувшись домой после пар, спала пару часов, чтобы потом выйти к десяти на ночную работу. Какой бы она ни была оптимисткой, а спать ей надо было, и лучше побольше.

Глава 2

– Ты только не говори ему, кто тебе про это рассказал…

Ксюша расставляла ценники в витрине ларька. Рядом стоял хозяин Евгений и смотрел на нее тяжелым взглядом.

Евгению было двадцать пять лет, он носил настоящий «Адидас», курил «Кэмел», ездил на тюнингованной «девятке» и имел множество подружек, которых менял как перчатки. Кроме того, Ксюша была практически уверена в том, что Женя «крышует» местных предпринимателей. Поэтому его собственный бизнес так хорошо и стремительно развивается. Четыре года назад, когда Ксюша только

нашла эту работу, у Евгения был один ларек. Затем он открыл еще несколько, а теперь вот не без гордости рассказывает о том, как занялся оптовыми поставками из Китая. Человеком Женя был неплохим: несмотря на бандитские замашки, к Ксюше относился с уважением и никогда не позволял себе ничего лишнего. Конечно, он знал про Макса – любимого парня и практически жениха, но Ксюша все же чувствовала, как ему нравится.

– Да вообще не наше это дело… – Евгений поморщился. – У меня с Сергеем только бизнес, никаких «терок», меня все устраивает. Я и говорить с ним про это не буду… А подруга твоя в следующий раз пусть умнее будет, не раздвигает ноги перед кем попало. Все, я поехал, вот твоя зарплата. – И протянул Ксюше пачку купюр.

– А не много… – нерешительно заметила Ксюша.

– Так это вместе с премией, – усмехнулся Женя. – Думаешь, я тебя не понимаю? У меня тоже старики-родители и братья есть…

Девушка промолчала, хотя у нее и пылали щеки. Евгений махнул рукой и уехал по своим делам. Только тогда Ксюша пересчитала деньги. Да, много, больше, чем обычно. Выходит, даже Женя заметил, как она похудела и осунулась. В прошлом месяце ей пришлось отдать родителям практически всю зарплату: Машка снова заболела, а у Кольки в начальной школе выпускной…

Ксюша заперла дверь, устроилась поудобнее и закурила. Да, она знала, как нравится Евгению. Он этого и не скрывал. В самом начале, когда она только устроилась на работу, хозяин даже попытался за ней ухаживать. Но Ксюша честно рассказала про Максима, рассказала, как его любит, и Евгений это понял и принял. Больше никогда не заводил разговоров на личные темы, хотя Ксюша и замечала, как он на нее смотрит, как горят его глаза, когда она рядом. Видно было: все еще влюблен и чувство не ослабевает. Со временем их отношения стали дружескими. Женя все знал о Ксюшиной семье и Максиме, но рассказы девушки слушал молча и с ненужными советами не лез; о себе практически ничего не рассказывал, а Ксюша и не настаивала. Как человек хозяин Ксюше нравился, но только как человек, а не как мужчина. В этом смысле у Евгения шансов не было – Ксюша целиком и полностью принадлежала Максиму.

Девушка и сама не понимала, зачем сегодня решилась рассказать хозяину про Сергея и Ольгу. Может быть, хотела, чтобы Евгений как-то повлиял на приятеля. Ей было невыносимо думать о подруге, которой придется пойти на такое, а негодяю Сергею все сойдет с рук. Но Евгений решил в дело не вмешиваться: «Бизнес, и ничего личного!» Кто знает, быть может, он и прав.

Докурив, Ксюша легла на кушетку, прижимая к себе толстую тетрадь с конспектами лекций. Конспекты надо было успеть переписать, а еще лучше сразу выучить. А еще заняться написанием диплома. И если повезет и ночь будет спокойной, то удастся даже немного поспать. Однако благие намерения так и остались намерениями. Ксюша свернулась клубочком и мгновенно уснула.

Проснулась она от настойчивого стука в окошечко.

– Эй! Вы работаете или нет?! – вернул девушку в реальность пьяный женский голос.

Ксюша вскочила с кушетки и посмотрела на часы – половина третьего ночи.

– Да, да, конечно. – Она торопливо открыла окошко. – Что вы хотели?

Ночными покупательницами оказались две молодые женщины, а рядом с ларьком была припаркована роскошная иномарка. Женщины были ослепительно красивы, а марки машины Ксюша даже и не знала.

– Нам надо вон тот вишневый ликер! – пьяненькая блондинка ткнула пальчиком в витрину. – А еще Snickers, и Mars, и Yupi. И побыстрее, пожалуйста, у нас «трубы горят». – И вторая, не менее эффектная блондинка громко рассмеялась.

Ксюша собрала заказ, взяла деньги и, пока ее ночные гостьи не уехали, наблюдала за ними в окошечко. Девушкам было лет по двадцать пять, обе хорошо одеты, в настоящих «косухах» и крутых джинсах, с ярким макияжем. Они были словно с другой планеты, и Ксения невольно залюбовалась. «Вот такая жена больше бы устроила родителей Макса», – почему-то мелькнуло в голове. В этот момент Ксюша не думала о том, что пьяные, катающиеся по ночному городу на дорогой машине красотки вовсе не предел мечтаний для обеспеченных и консервативных родителей Максима. Ксения видела только красивых, обеспеченных девушек, довольных собой и своей жизнью, в которой нет никаких

проблем. И ее сердце неожиданно больно сжалось: «А если Макс на мне никогда не женится? Если он, как Сергей Ольгу, просто бросит и выберет кого-то из своего круга?»

Ксюша усилием воли отогнала тяжелые мысли, похлопала себя по щекам, прогоняя остатки сна, и открыла тетрадь с лекциями. «Ничего, – успокаивала она себя, – осталось совсем немного, и моя жизнь обязательно наладится». А пока, чтобы не утонуть в липком ужасе собственных опасений, решила подумать про Ольгу.

Вечером, пока ждали Максима, девушки успели поговорить по душам. Оля, как и говорила, записалась на аборт. Страшная операция, о которой Ксюша боялась и думать, ждала ее через три дня. Подруга выглядела подавленной, но спокойной. Ксюша решила: она приняла действительность и сможет выбраться из этой мерзкой истории.

– Скоро все закончится! – и, хотя девушки пили пустой чай в запущенной убогой комнате, Ксюша старалась выглядеть бодрой и веселой. – Скоро ты станешь дипломированным специалистом, найдешь хорошую работу, потом встретишь приличного парня, не такого, как Сергей. Тебе всего двадцать лет, это просто такой черный период, и он обязательно скоро закончится.

– Ты сама-то в это веришь? – Под глазами у Ольги залегли темные круги. – Тебе легко говорить, у тебя есть Макс, он никогда бы так с тобой не поступил.

Ксюша на мгновение замолчала, но потом ответила с жаром, даже с ненавистью – с ненавистью к несправедливости, к тому, что с хорошими людьми могут происходить плохие вещи:

– Да, я верю! Зло должно быть наказано! И твой Сергей еще огребет от жизни по полной. А ты… ты обязательно встретишь хорошего человека и будешь очень счастлива, понимаешь? Иначе и быть не может!

– Хорошо, если бы так… – Оля вымученно улыбнулась. – Наверное, ты права. Только прошу, не бросай меня в понедельник, иначе я сойду с ума.

На понедельник была назначена операция.

– Конечно, я буду рядом! – Ксюша погладила подругу по руке. – Я все время буду рядом!

Но на самом деле Ксюша испытывала чувство стыда. В какой-то момент она порадовалась тому, что такая беда приключилась не с ней, а с Олей. Наверное, это просто был инстинкт самосохранения. Ксюша ничего не могла с собой поделать, но она благодарила судьбу: не ей нужно решать, как жить дальше, не ей в понедельник идти на страшную операцию. Оставить ребенка? Одной Ольге его было бы просто не прокормить, не говоря уже о чем-то большем. Нет денег, нет жилья, пока нет работы. Время от времени Олина мама присылала продукты – она жила в деревне. Но сейчас ситуация изменилась, и мать сама сидит голодная. И как найти в такой жизни место еще и для ребенка? Оставить малыша с учетом всех обстоятельств было бы просто безумием…

И вконец измотанная мрачными мыслями, Ксюша снова задремала.

В пять утра пришла ее дневная сменщица – неряшливая опухшая женщина лет сорока пяти. Сухо поздоровавшись, она заступила на смену. Дневные продавщицы постоянно менялись, ни одна не задерживалась больше чем на полгода, а потому Ксюша уже перестала с ними искать контакт и ограничивалась простым «здравствуйте». Никаких личных отношений, только работа, и ее это вполне устраивало. Иногда она неосознанно копировала поведение Евгения, даже сама этого не понимая, хозяин ее торговой точки все-таки оказывал на нее большое влияние. Ксения как бы вскользь отмечала некоторые его поступки, которые ей очень нравились. Например, пару месяцев назад Евгений подобрал на дороге подбитую кем-то собаку и отдал ее в ветлечебницу, потратив на восстановление псины большую сумму денег. Сейчас этот пес жил у его родителей, и Евгений даже имя ему придумал, Подбитыш. С другой стороны, до Ксении доходили слухи, что этот же самый Евгений не чурается бандитских разборок и может с легкостью превратить человека в инвалида, особенно если были задеты его личные интересы. Но за свою семью и друзей этот же Евгений стоял насмерть и мог отдать последнее. Довольно странный тип, думала Ксения, но о своем боссе она думала не часто, разве что если возникали какие-то ассоциации, как сейчас, когда она передавала смену опухшей тетке.

Ксения шла по совершенно пустой улице. Дома еще тонули в рассветном сумраке, воздух был по-весеннему свеж и полон нежных запахов молодой листвы. Девушка остановилась и глубоко вздохнула. «Какая я счастливая, –

неожиданно подумала она, – у меня есть Макс, есть родители, скоро я закончу институт, и весь мир будет у моих ног».

Ксения даже не догадывалась: меньше чем через неделю произойдут события, которые полностью разрушат ее жизнь.

Глава 3

Подруги сидели перед кабинетом врача, и у Ольги тряслись от ужаса руки. Рядом – такие же бледные женщины, которые пришли с той же целью и которым было так же страшно. Ксения видела это по смертельно белым лицам, по плотно сжатым губам и по красным зареванным глазам. Она смотрела на них и не могла понять: где их мужчины?! Где их мужья, любимые, те самые бравые парни, что занимались с этими женщинами сексом, а потом отправили их на аборт и даже не приехали поддержать, встретить после операции?

Сама процедура больше напоминала конвейер: женщину приглашали в кабинет, затем около часа было тихо, потом прооперированную перекладывали с кресла на кушетку и на живот ей клали лед, пока она еще около часа лежала и приходила в себя, рядом оперировали уже новую пациентку.

– Я боюсь! – Ольга вцепилась в Ксению ледяными руками. – Ксюшенька, милая, я боюсь! – И разревелась, не выдержав напряжения, копившегося с раннего утра.

– Раньше надо было бояться! – зло цыкнула на нее ярко накрашенная тетка лет тридцати пяти. – Думать надо до того, как… – и нецензурно выругалась, – а не после. Чего сейчас-то слезы лить? Все мы здесь в одной подводной лодке.

Ольга дернулась, как от удара, и замолчала, размазывая по щекам слезы. Последние несколько дней дались ей очень тяжело. Ксюша втайне надеялась, что Сергей одумается, вернется, а операцию делать не придется. Но он так и не появился.

– Я боюсь… – повторяла Ольга, до хруста сжимая Ксюшину руку. – Я не могу… Я боюсь…

Дверь операционной приоткрылась:

– Доротова! – крикнула медсестра, и Ольга снова вздрогнула всем телом.

– Ну, я пошла! – глазами, полными ужаса, она смотрела на Ксению, словно та могла чем-то помочь. – Ну, я пошла? – умоляюще взглянула Ксюше прямо в глаза, и этот взгляд девушка запомнила на всю жизнь. Казалось, Ольга хочет, чтобы подруга ее спасла, увела из этого страшного места, она держалась за Ксюшу, как утопающий цепляется за соломинку.

– Иди! – Ксения подтолкнула Ольгу к двери. – Все будет хорошо! Я рядом!

Наконец отпустив Ксюшину руку, она, низко наклонив голову, шагнула в операционную, будто шла на эшафот.

Когда дверь закрылась, Ксения опустилась на облезлый, как, впрочем, и все в этой больнице, стул и закрыла лицо руками. Ей, единственной из всех женщин в этой очереди, не нужно было идти в страшный кабинет, но смертельный страх она ощущала так же, как и все. Ксения и думать не хотела о том, что сейчас чувствует Ольга, как она снимает джинсы, белье, забирается на кресло…

«Остановись!» – посоветовала самой себе Ксения и решила выйти покурить.

Как назло, с утра зарядил серый, унылый дождь. Одно это могло безнадежно испортить настроение на весь день. Даже утренняя встреча с Максом не радовала – он довез подруг до больницы. Конечно, в подробности Ксения решила Макса не посвящать, просто сказала, мол, Ольге надо в гинекологию, а он и не задавал никаких вопросов.

Ксюша докурила, немного постояла, но возвращаться в мрачный, выкрашенный темно-синей краской коридор все равно пришлось. Прошло всего полчаса, как за Ольгой закрылась дверь. Но Ксюше показалось – уже целая вечность. Она металась по коридору, как зверь в клетке, то и дело бросая взгляд на часы. Прошло пять минут, семь, десять. Казалось, время просто остановилось. Ксения снова вышла покурить.

Когда бледная Ольга наконец вышла из кабинета, Ксения потеряла счет времени. Ей казалось, будто она сидит здесь уже целую неделю. И только ждет, ждет, ждет.

– Ты как? – кинулась она к зареванной подруге. – Сильно больно?

Ольга в ответ только кивнула и медленно поплелась к выходу.

– Может, присядешь? Отдохнешь? – Ксюша растерялась: она не ожидала увидеть подругу в настолько плохом эмоциональном состоянии.

– Нет, пойдем быстрее отсюда, – прошептала Ольга, ускоряя шаг.

И Ксения поняла, как подруге хочется поскорее выбраться из этого мрачного места.

На улице сплошной стеной шел дождь. Девушки нерешительно остановились под навесом над входом.

– На остановку? – Ксюша достала из пакета зонт. – Ты сама идти сможешь?

Ольга снова молча кивнула, взяла подругу под руку, и они медленно пошли вперед.

Когда девушки добрались до дома, был уже полдень, но дождь так и не прекратился. Наоборот, казалось, с каждым часом он только усиливается. Ксения уложила Ольгу на диван, а сама уселась в кресло напротив и достала конспекты. Чтобы хоть как-то отвлечься, она принялась читать лекции, но голова была занята совершенно другим.

«Почему Макс не спросил, не надо ли нас забрать после больницы? Он же видел, идет дождь. Как мы должны идти в такой дождь до остановки?» Ксения бездумно перелистывала страницы, даже не пытаясь понять прочитанное. «Может, у него пары или чем-то еще был занят», – отвечала она сама себе, но получалось как-то неубедительно. Да и потом, это же касалось не ее лично, а ее подруги. Вот если бы заболела (м-да…заболела) она, то Макс обязательно примчался бы на помощь.

– Ксюша… – Она глубоко задумалась и не сразу услышала, как Ольга ее зовет. – Ксюша!

– Да! – встрепенулась девушка и бросилась к подруге. – Что? Тебе плохо?

– Нет. – Оля улыбнулась синими губами. – Принеси мне воды, пожалуйста!

«Почему у нее такие синие губы?!» Ксюша в панике побежала на кухню, налила из чайника воды и принесла подруге.

– Ты точно нормально себя чувствуешь? – переспросила она, протягивая стакан.

– Да, только голова немного кружится, но это нормально. Меня в больнице предупредили, чтобы я не волновалась. – Ольга отпила воды и снова закрыла глаза. – Я посплю еще.

– Спи, спи, – прошептала Ксюша и тоже прилегла. Девушка хотела лишь на пару минут закрыть глаза, чуть-чуть отдохнуть, но сама не заметила, как уснула.

– Ксюша! Ксюша! – Из темноты она слышала слабый голос Ольги, но никак не могла проснуться. – Ксюша!

– А! Что? – Ксения сползла с дивана и застыла посреди темной комнаты. – Сколько сейчас времени? – Взглянула на часы, оказалось, половина десятого вечера. Как она могла так уснуть? Едва не проспала на работу.

– Ксюша! – снова позвала Ольга.

– Оля, что? – окончательно проснувшись, девушка кинулась к выключателю и зажгла свет.

Ольга осторожно поднималась с дивана:

– Мне надо в туалет, и меня морозит! – жалобно прошептала она, с трудом вставая на ноги.

Ксюша сначала даже не поняла, что случилось. Она лишь почувствовала густой отвратительный запах, а потом услышала слабый возглас Ольги. Та с ужасом смотрела на пол. Перехватив взгляд, Ксюша увидела, как по ногам девушки прямо на ковер струится ярко-красная кровь.

– Господи! – только и смогла выдохнуть она и, схватив сумку, бросилась к двери. – Я в автомат, вызову «Скорую», а ты ложись и не двигайся!

Перепрыгивая через ступеньки, девушка преодолела все девять лестничных пролетов и выскочила на улицу. Дождь все лил, Ксения моментально вымокла до нитки, но, не обращая на это ни малейшего внимания, добежала до ближайшего телефона-автомата и вызвала «Скорую помощь». Потом, немного поколебавшись, набрала домашний номер Макса. Трубку взяла его мать.

– Простите… – Ксения старалась держать себя в руках, но голос предательски дрожал. – Это Ксюша, подруга вашего сына. Вы не могли бы позвать Максима к телефону? Это очень важно!

Ксюша услышала, как мать Максима кладет трубку и кричит в глубь квартиры:

– Максик, там твоя подружка! Что за манеры? Звонит так поздно… Скажи ей, чтобы так больше не поступала! В конце-то концов, мы приличная семья…

Дальше Ксения уже не слышала, наконец-то Максим взял трубку.

– Любимая, что-то случилось?

Едва услышав его голос, Ксения разревелась.

– У Ольги кровь! Ей так плохо! Я «Скорую» вызвала, но мне страшно! – всхлипывала она.

– Я сейчас приеду! – пообещал Максим, и Ксения немного успокоилась.

Промокшая до нитки, она вернулась в квартиру. Ольга лежала на диване, вся в крови, и корчилась от боли.

– Сейчас врачи приедут! – Ксению трясло от холода. – Сейчас все будет хорошо!

Максим и «Скорая помощь» приехали одновременно. К счастью, Ксюша успела сбегать в ванную и переодеться в сухую одежду.

– Мы ее увезем в больницу! У нее кровотечение, видимо, аборт нечисто сделали, – объяснила доктор. – Увозим в шестую больницу, приезжайте завтра с утра. Привезите ей вещи.

– Она выживет? – спросила Ксения и прижалась к Максиму.

– Конечно, выживет! – доктор посмотрела на Ксюшу как на ненормальную. – Обычное осложнение после аборта, меньше таскаться надо!

Ольгу положили на носилки и вынесли из квартиры. Ксения вернулась в комнату и опустилась на свой диван. Она старалась не смотреть на постельное белье и ковер, пропитавшиеся кровью.

– Как много крови! – выдохнула девушка.

Макс продолжал стоять, опершись о косяк, и внимательно смотрел на Ксению. И ей этот взгляд не нравился.

– Что? – она подняла глаза. – Что ты так на меня смотришь?

– Аборт? – Макс произнес это слово так, словно выплюнул себе под ноги сгусток слизи. – Ольга сделала аборт?

– Да, Сергей ее бросил, и пришлось…

– Она шалава. – Макс говорил очень громко, и у Ксюши моментально заболела голова. – Если бы я знал, в чем дело… Я бы не приехал…

Ксюше показалось, она как-то не так поняла своего любимого или просто ослышалась. Глядя на него во все глаза, девушка только беззвучно открывала и закрывала рот.

– Аборт – это смертельный грех! – отчеканил Макс, продолжая сверлить Ксюшу глазами.

– Я не знала, что ты веришь в Бога! – Ксения поднялась и прошла мимо него на кухню. Открыла окно – дождь по-прежнему лил стеной – и закурила.

– При чем здесь Бог? – Макс проследовал за ней и был готов разглагольствовать дальше. – Женщина, убившая своего ребенка, не заслуживает прощения! Это даже не женщина, это тварь, и ее место на помойке!

– Но… – Ксения даже задохнулась от несправедливости услышанного. – А что ей оставалось делать? Сергей ее бросил, денег нет, вообще помощи ждать неоткуда…

– Раньше надо было думать! – жестко припечатал Максим и посмотрел на часы. – Ты на работу пойдешь? Или уже опоздала? Подвезти тебя?

Ксения в ответ лишь кивнула, не имея сил спорить. Накинула куртку и со вздохом подошла к двери.

– Ты бы тоже смогла сделать аборт? – запоздало поинтересовался Макс, когда они уже подъезжали к ларьку.

Ксения, всю дорогу ожидавшая этого вопроса, вздрогнула и потупила глаза.

– Конечно, нет! – солгала она.

– Поэтому я тебя и люблю! – Макс поцеловал ее в губы. Потом скривился и посоветовал: – Купи жвачку, пахнешь табаком!

Ксения постучала, выслушала ворчание сменщицы, бубнившей, мол, не обязана она здесь торчать сутками, и заступила на смену. Заперев за склочницей дверь, Ксюша села на кушетку и закрыла лицо руками. Завтра нужно столько всего успеть: сначала забежать в квартиру, собрать одежду и другие вещи для Ольги, завести все в больницу, приободрить подругу, а потом бегом в институт. Конечно, можно было бы попросить Макса ее повозить, но после сегодняшней отповеди Ксюше не хотелось его ни о чем просить. Девушка не могла понять,

откуда в нем столько злости и гнева, почему он так несправедлив по отношению к Ольге. Ведь о Сергее он ни словом не обмолвился, а на Ольгу так набросился. Двойные стандарты? Мужчинам можно все, и они ни за что не отвечают, а женщина должна нести свой крест безропотно и молча?

Ксения сжала виски руками и закрыла глаза. Какой долгий, чудовищно долгий день! Да еще и дождь не смолкает ни на минуту, стучит и стучит по жестяной крыше ларька, будто вот-вот настанет всемирный потоп. Как все это вынести?

На Ксюшино счастье, в четыре утра в ларек заехал Евгений. Он молча посмотрел на измученную девушку и отпустил ее домой.

– У Ольги как дела? – спросил Евгений, пока она надевала куртку.

– Она… – Ксюша запнулась, вспомнив реакцию Максима. И, опасаясь услышать от Евгения те же слова, выпалила: – Ну, она избавилась от ребенка, не очень хорошо получилось, ее снова увезли в больницу.

– Понятно… – сухо ответил Евгений и закурил.

Ксения еще какое-то время подождала, ожидая проклятий и осуждений, но Евгений молчал, и она пошла домой. А дождь так и не закончился.

Глава 4

Через пару часов надо было забирать Ольгу из больницы. Вроде бы теперь все хорошо: и последствия ликвидировали грамотно, и детей Ольга в будущем сможет иметь. «Если захочет, конечно», – мрачно подумала Ксюша, наблюдая за матерью, хлопочущей на кухне. Перед визитом в больницу она зашла к родителям, чтобы оставить им денег.

– Вот папа говорит: в магазине на Ленина макароны можно дешевле купить. Но туда ведь еще дойти надо! А как я дойду, если весь дом на мне и у меня нет времени даже голову помыть? А по Советской, говорят, картошку продают по низкой цене, надо бы сходить, да снова некогда. А еще если молоко брать на

базаре, то можно хорошо сэкономить, мне соседка сказала, что молоко это можно водой разводить и вкус как у магазинного получается, а по объему гораздо больше!

Ксения сидела на колченогом табурете и с тоской следила за тараканом, бойко бегущим по стене родительской кухни. Отец был на работе, братья в школе, а мать и больная температурившая Машка, наоборот, казались вечными узницами убогой квартирки.

– Как она? – Ксения кивнула в сторону комнаты.

– Да болеет все! – Нина Гавриловна поставила перед дочерью тарелку макарон, после чего вытерла руки о грязные треники. – Кушай! Правда, у нас даже чая нет. Но ты же знаешь – денег нет совсем.

– Я же принесла деньги!

Ксения посмотрела на тарелку с серыми слипшимися макаронами. Последние два дня девушка практически не ела, аппетит проснулся прямо-таки волчий, и она моментально проглотила обед. Нина Гавриловна осуждающе посмотрела на дочь, но добавки не предложила. Скоро из школы вернутся братья, придет с работы отец, а в этой семье все порции были распределены строго.

– Много ли ты приносишь! – Мать в отчаянии всплеснула руками. – Разве ж это деньги?

Ксении хотелось возразить. Ведь она отдавала матери ровно половину зарплаты, а на свою часть снимала квартиру, покупала еду и иногда вещи. Для нее это были большие деньги, ОЧЕНЬ большие. Возразить очень хотелось, но девушка посмотрела на полную, опухшую от постоянных слез и проблем старуху, в которую превратилась ее сорокалетняя мать, и промолчала. У Нины Гавриловны были седые грязные волосы, плохие зубы и выражение вечного страдания в глазах. «Какое счастье! Максим ведь ее не видел!» – подумала Ксения, и ей тотчас стало плохо. Стыдиться собственной матери – плохо, но в данной ситуации отчасти объяснимо.

– А отец твой на работе сутками. Говорит, кризис какой-то люди обещают… – мать присела напротив и протянула Ксении кружку с кипятком. В кружке

плавали крупные листья неведомого растения. – Это липа, тетя Катя принесла, вот и пьем вместо чая, – пояснила Нина Гавриловна.

– Какой кризис? – Ксения пожала плечами. – В 1998 году никакого уже кризиса не будет. Откуда ему взяться-то?

– Вот и я так думаю, – отозвалась мать. – Но люди-то говорят другое. А у нас в банке уже много денег скопилось. Думаю, к Новому году снимем, обменяем нашу на двухкомнатную. Братья-то выросли, совсем не развернуться вчетвером в этой хатке. Хорошо хоть, ты от нас съехала. Как бы мы все здесь ютились, просто не представляю.

Ксения молча прихлебывала странный напиток.

– Ты больно худая стала! – Мать смерила ее недобрым взглядом. – Трахаешься, что ли, много?

Девушка вздрогнула и едва не пролила отраву на стол:

– Мама!

– Что мама? – Нина Гавриловна усмехнулась. – Знаю я вас, нынешнюю молодежь! Вам же ничего не надо! Только деньги да трах (она так и сказала: «трах») подавай! Куришь вон, я знаю! Худая как доска. С Максом из койки не вылезаете?

Нина Гавриловна ненавидела Макса, потому что Ксения имела глупость рассказать матери о том, как Макс отказался с ними знакомиться.

– Я работаю, мама! – Ксения вспыхнула. – Днем учусь, ночами работаю. Ты думаешь, на какие деньги я живу?

– Ну, смотри! – мать отмахнулась от оправданий, как от надоедливой мухи. – Залетишь, домой не приходи. Не пущу! У нас и так жить негде, только тебя с твоим ребенком и не хватало.

Ксения поежилась: она вновь представила себя на месте Ольги и сполна прочувствовала весь ужас ситуации.

– Мне пора! – Допивать липовую отраву расхотелось.

– А с институтом как? Закончила уже или нет? Надо на нормальную работу устраиваться. А то эти копейки в дом приносишь!

– Скоро защита! Диплом получу, и все! Ладно, мама, мне пора! – Девушка поспешно обулась и вылетела из квартиры.

До больницы Ксения добралась довольно быстро – от родительского дома как раз ходил прямой автобус. Она даже приехала чуть раньше, чем было нужно. Пришлось немного погулять у дверей.

– Привет! – Едва Ольга переступила порог больницы, как достала сигарету и с наслаждением закурила.

– Привет! – Ксения оглядела подругу и с радостью отметила: выглядит та значительно лучше. У Ольги появился легкий румянец, круги под глазами уже не казались такими страшными и пугающими. Да и голос был довольно бодрый. – Ну, ты как?

– Отлично! – горько усмехнулась Ольга. – Из меня только что выскребли моего первенца, а так все просто замечательно. Жизнь продолжается!

Ксения замялась. Как положено утешать женщин в таких случаях, она не знала и поэтому решила сменить тему:

– А я сегодня у родителей была! Мать говорит, кризис все ждут какой-то!

Но попытка отвлечь Ольгу беседой на отвлеченные темы провалилась – она лишь неопределенно качнула головой, и подруги направились к остановке. До дома ехали молча.

Дома Ксения вновь взялась за реабилитацию подруги.

– Я еду приготовила! – Ксения показала на плиту. – Там картошка жареная и минтай. Тебе хорошо кушать сейчас надо!

– Спасибо! – Оля кивнула и наконец-то улыбнулась. – Ты хорошая подруга! Жаль, все остальные люди – дерьмо!

Ольга села на подоконник, ногами внутрь кухни, и молча закурила.

– Ты точно нормально себя чувствуешь? – Ксения не сводила с нее напряженного взгляда. – Ты какая-то странная.

– Ну, естественно… странная… – Ольга затянулась, – не каждый день я делаю аборт.

На кухне повисла гнетущая тишина. Ксения уселась прямо на пол, тоже закурила и теперь пускала дым в потолок.

– Да нет, Ксюш, все нормально… – нарушила тишину Ольга. – Все хорошо будет, я отойду. Сейчас поем, потом почитаю конспекты, ты не переживай. Такая уж наша бабья доля.

– Ты точно в порядке? – в который раз спросила Ксения и посмотрела на часы.

Пора было собираться на работу.

– Точнее некуда! – Ольга одарила подругу благодарным взглядом. – Теперь все будет хорошо, обещаю! Я тебе оставлю половину. – Оля кивнула на плиту. – Вернешься – поешь как следует, а то ты худая как доска.

У Ксении отлегло от души. Ольга, похоже, действительно взяла себя в руки, и все самое страшное осталось позади.

– Мне и мать сегодня об этом сказала, – рассмеялась Ксюша. – Прямо так и сказала: ты, мол, дочка, стала худая как доска!

– А покормить мать тебя не забыла? – как-то с вызовом отозвалась Ольга и тотчас выдохнула. – Ох, прости меня! Просто грустно. Никому мы с тобой не нужны!

– Мы друг другу нужны! – Ксения обняла подругу. – Я люблю тебя сильно-сильно.

– И я тебя! – Оля чмокнула ее в щеку. – Давай беги на работу, а то опоздаешь.

Ксюша вышла, а Ольга осталась стоять у открытого окна, опираясь о подоконник, в клубах сигаретного дыма.

Когда Ксения пришла на работу, там ее ждал Евгений, а дневной сменщицы уже не было.

– Что-то случилось? – Ксюша немного удивилась, увидев Женю в ларьке.

– Нет, просто я свои владения объезжал, а Наталья отпросилась пораньше, вот и решил тебя дождаться. Ты как?

Ксения снова удивилась. Вопрос «Ты как?» Евгений задавал ей, наверное, второй раз за четыре года знакомства. Ксюше хотелось ответить, мол, все нормально и даже отлично, но неожиданно для самой себя она призналась:

– Как-то все идет не так… – И тут же улыбнулась.

– И что смешного? – Евгений был совершенно серьезен, покуривая свой любимый «Кэмел».

– Совершенно ничего, – еще раз улыбнулась Ксения и вдруг разревелась.

Пока она плакала, всхлипывая и размазывая тушь по щекам, Женя налил стакан воды и протянул ей.

– Устала ты. Вижу, устала! – Евгений хотел обнять девушку, но в последний момент передумал. – Отдохни недельку, выспись, закончи диплом.

– Я не могу! – Ксюша продолжала всхлипывать, но уже почти успокоилась. – Прости, чего-то я разревелась, как баба.

– Ты и есть баба, – усмехнулся Женя. – Ты же женщина, а не робот. Иди домой.

– Я не могу! – Ксюша испуганно вытаращила глаза. – Мать с меня деньги требует, опять Машка болеет, за квартиру платить надо. И Ольга еще… Я правда не могу.

– Ксения! – Евгений поморщился. – Иди в оплачиваемый отпуск. На неделю я найду тебе замену и заплачу как за весь месяц работы.

Ксюша напряглась, перестала плакать и смотрела на мужчину с недоверием, словно ожидая подвоха:

– Зачем ты это делаешь? Я буду тебе должна за это?

Женя громко рассмеялся:

– Нет, спать со мной совсем не обязательно! Иди, Ксения, иначе ты меня доконаешь! Иди и возвращайся через неделю, не раньше.

– Хорошо. – Ксюша не могла поверить своему счастью. Она прижалась к Евгению и поцеловала его в небритую щеку. – Спасибо! Спасибо тебе огромное!

Евгений порыва не оценил и как-то даже смущенно отпихнул девушку:

– Иди, я сказал!

Выйдя из прокуренного ларька, Ксюша с удовольствием набрала полную грудь чистого ночного воздуха. Кажется, не все в этой жизни так уж и плохо!

– Стой! – Неожиданно ей дорогу преградила тюнингованная «девятка» Евгения. – Я тебя до дома довезу. Сегодня здесь разборки должны быть у пацанов, а я забыл. Нечего тебе ночью одной шастать. Что же тебя твой Ромео не встречает?

– Ну, он же не знал… – Ксения не стала сопротивляться и села в машину.

Евгений промолчал, закурил и свернул в сторону Ксениного дома. Ксюша впервые оказалась в автомобиле своего шефа и исподтишка разглядывала салон, новую стереосистему… Эта тачка была даже лучше, чем у Макса.

– Приехали! – Евгений резко затормозил. – Все, выходи! Мне надо вернуться и найти кого-нибудь на смену в ларек, не хочу терять выручку.

– Спасибо!

Ксения вышла из машины и замерла: около дома стояли машины «Скорой помощи» и милиции. Несмотря на позднее время, у подъезда толпились люди и о чем-то негромко переговаривались. Евгений, оценив обстановку, тоже вышел из машины.

– Пойдем-ка, я тебя провожу до квартиры. – Шеф взял Ксению под ручку и спокойно направился к подъезду.

– А вот она! – пронзительно закричала одна из старух, стоявших у подъезда. – Они вместе квартиру снимали!

Ксюша, ничего не понимая, обернулась, и тут ее взгляд остановился на некой бесформенной куче на асфальте. Куча была накрыта старым покрывалом. Однако чем дольше смотрела Ксения, тем четче она все видела, и бесформенная куча буквально на глазах трансформировалась в подобие человеческого тела. Вскоре девушка уже смогла различить руки и ноги, раскинутые в неестественной позе, а потом и очертания головы.

– Что здесь происходит? – первым из ступора вышел Евгений.

Велев Ксении подождать, он подошел к милиционерам.

– А вы кто? – Молодой парень в форме оглядел спортивный прикид Евгения и сразу же нехорошо прищурился. – Кем приходитесь погибшей?

– Я друг вон той девушки. – Евгений кивнул в сторону Ксении, которая так и продолжала, будто загипнотизированная, рассматривать накрытое покрывалом тело.

– Ее соседка несколько минут назад выпала из окна. – Милиционер подошел к Ксении. – У вас же есть ключи от дома?

– Что? – Ксюша словно в глубоком сне расслышала его голос и повернулась. – Что вы сказали?

– Ключи от квартиры есть у вас? – нервно повторил милиционер. – Давайте поднимемся в квартиру, иначе дверь придется ломать.

И буквально потащил Ксюшу к подъезду, причем Евгений едва поспевал следом. Они поднялись на девятый этаж, Ксюша открыла дверь и первой ворвалась в квартиру.

– Оля! Там кого-то убили! У нас во дворе!

В комнате никого не было. Ксюша заглянула в ванную, затем кинулась на кухню и там обнаружила мрачного Евгения с неизменным «Кэмелом» в зубах и милиционера, читающего какую-то записку.

– Ксю – это вы? – служивый протянул Ксении вырванный из тетради листок в клеточку.

«Ксю, ты была права. Умереть в полете – не самая плохая смерть». Ксения перечитывала записку раз за разом и все никак не могла понять, кто ее написал.

– А где Ольга? – наконец произнесла побелевшими губами и огляделась. – Ольга-то где?

Евгений выбросил окурок в раковину, прижал дрожащую Ксению к себе.

– Она умерла, детка. Крепись!

И только тогда Ксения связала воедино и бесформенную, накрытую пледом кучу у подъезда, и визг старухи: «Вот она! Они вместе квартиру снимали!», и эту самую чудовищную записку. Ксения немного отстранилась, подняла на Евгения полные боли глаза и прошептала:

– Зачем она это сделала?

– Не знаю. – Женя прижал ее к себе еще крепче. – Наверное, не могла поступить иначе.

Глава 5

Ксения сидела на груде поваленных деревьев и пыталась закурить. Дождь не прекращался уже три дня, все вокруг отсырело до невозможности. Могилу залило водой, а вокруг была сплошная грязь. Могильщики боялись соскользнуть внутрь, поэтому поставили гроб с телом Ольги далеко от вырытой ямы и теперь мрачно наблюдали за прощанием родных и близких. На похороны пришло не так уж и много людей: приехала Ольгина мать из деревни, несколько ребят из института стояли с перепуганными лицами, Сергей вовсе не пришел, Максима тоже не было. Смерть Ольги нисколько его не смягчила, и он продолжал твердить, что Ольга сама все заслужила и женщина, которая может убить своего ребенка, достойна именно такой смерти. Ксюша врезала ему по физиономии, и больше они не виделись. Пока не виделись.

Спички отсырели, сигареты тоже. Ксюша была в дождевике, но, кажется, и он уже промок насквозь. Ксюша ничего больше не чувствовала – с того самого момента, как они с Женей увидели Ольгу на асфальте, она словно выключилась. Она относительно спокойно выслушала даже обвинения милиционеров в подстрекательстве к самоубийству. «Ты подала ей прекрасную идею», – сказали в отделении, и теперь Ксюша проходила как свидетель по делу о самоубийстве студентки. Ксении пришлось рассказать в милиции все: и про аборт, и про Сергея, который поступил как подлец и сбежал. Теперь ее затаскали на очные ставки.

Ксения в тот же вечер позвонила матери Ольги, рассказала о смерти дочери. Женщина долго голосила в трубку и приехала уже на следующее утро, но, как только узнала причину смерти, сразу изменилась в лице.

– Ее Бог накажет! – Тетка трясла неубранной головой и патетически вскидывала руки. – Моя дочь совершила сразу же два самых страшных греха! Как она могла убить невинного младенца! Как могла лишить себя жизни! Бог не простит ее! Надо было оставить ребенка в живых, Бог дал зайку, даст и лужайку! Но вы, вы, молодежь, вы же стали безбожниками! Вы продались за эти мерзкие деньги! У

вас нет совести!

Потом был долгий период плача и проклятий. Она громко всхлипывала и завывала, но когда успокоилась, то неожиданно рассудительно заявила, мол, денег у нее нет и хоронить Ольгу ей не на что.

– Тем более такую дочь! – бросила она напоследок.

Хоронили Ольгу на деньги Ксении – девушка отдала все сбережения, но похороны все равно были бедными. Деревянный крест, могила на краю кладбища, прямо у дороги. Такие места всегда считались дешевыми, но только на это у Ксюши и хватило.

Хозяйка квартиры указала Ксении на дверь в тот же день, как ее вызвали на допрос в милицию. Ксюша молча собрала свои вещи и перевезла их в ларек к Евгению. Эти трое суток она почти не спала. Женя ей здорово помог в организации похорон, но попросил уже сегодня определиться с жильем и забрать барахло из торговой точки. На сами похороны Женя не пришел. Поэтому Ксюша сидела сейчас в сторонке, на поваленных деревьях, смотрела на рыдающую мать Ольги и ничегошеньки не чувствовала. Вернее, она переживала из-за отсыревших спичек. Сейчас это волновало ее больше всего.

– Все простились? – Хмурый гробовщик обвел глазами присутствующих.

Ребята из института, уже сто раз пожалевшие, что вообще пришли, жались подальше от скользкой ямы, мать Ольги орала в голос о невосполнимой потере, а Ксения лишь кивнула головой:

– Да, все!

Раз уж она здесь за главную, то и решения принимать ей. Сама Ксения не рыдала, рук не заламывала и на гроб не кидалась. Она простилась с подругой в тот самый момент, когда поняла, что Ольга выбросилась из окна. А причитать на публику у мертвого тела, которое уже ничего не понимает и не чувствует, Ксения не видела смысла. Она не верила ни в рай, ни в ад, ни в загробную жизнь и поэтому сейчас просто кивнула:

– Закапывайте!

Крест из-за дождя установить не удалось – земля превратилась в кашу, укрепить основание не было никакой возможности, и крест все время заваливался. Решили отложить на несколько дней, пока не выправится погода.

Минут через сорок все разошлись. Ксения шла медленно, едва переставляя ноги. У церквушки при входе на кладбище она увидела мать Ольги, которая подавала милостыню нищим и продолжала громко причитать:

– Помолитесь о душе моей падшей дочери! Ох, вся семья из-за нее проклята! Аборт и самоубийство! Как теперь мне жить? Как отмолить ее страшные грехи?

Ксения вздрогнула и, низко опустив голову, прошла мимо.

– Ксения! Постой! – Тетка все-таки увязалась за ней. – У Ольги магнитофон был и тостер… Ты куда все дела?

– Какой тостер? – Ксения из-за сильного стресса и трех бессонных суток просто не могла понять, что от нее хотят.

– Как какой?! – начала злиться та. – Такой красненький! И магнитофон был почти новый. Я сегодня домой возвращаюсь, мне бы забрать свое.

Ксения провела рукой по лбу и выдохнула:

– Я, честно, не помню. Наверное, остался у хозяйки, вы у нее спросите. Я только свои вещи собрала, Ольгины не сообразила взять.

– Как же… – хмыкнула скорбящая мать. – Не сообразила ты! Поди, давно прибрала себе, тостер-то дорогой, а магнитофон еще дороже.

Ксения в ужасе посмотрела на нее, отшатнулась и молча пошла по дороге, решив не дожидаться автобуса. Минут через двадцать автобус ее нагнал. Ксения села у окна, прижалась лбом к стеклу и заснула.

Когда она доехала до автовокзала, погода немного наладилась – серые тучи разошлись, проглядывало солнце. Самое главное, дождь прекратился, и Ксения стянула с себя мокрый плащ. Забрав из ларька сумки со своими вещами, она медленно пошла в сторону родительского дома. В любом случае идти ей больше было некуда. Мелькнула мысль позвонить Максу. Но после той чудовищной ссоры, когда Ксюша – впервые за все время их отношений – ударила его, они ни разу не разговаривали. А звонить сейчас и просить о помощи не хотелось. Тем более и сам Макс не проявлял никакого интереса к судьбе и проблемам любимой девушки.

Ксения зашла в пропахший кошачьей мочой подъезд, поднялась на третий этаж, но так и не нашла в себе сил постучать в дверь. Бросила сумки на грязный, заплеванный пол и села на них сверху. Появилась мысль закурить, но сигареты до сих пор были сырыми, да и спички тоже. Тогда она прислонилась спиной к обшарпанной стене, закрыла глаза и замерла.

– Дочка? А ты что здесь делаешь? – Отец страшно удивился, когда, возвращаясь с работы, увидел свою старшую дочь у порога квартиры.

– Папа? – Ксения очнулась, быстро поднялась, но тотчас схватилась руками за отца – потемнело в глазах, закружилась голова. – Да мне вроде как идти некуда, хозяйка нас из квартиры выгнала.

Ксения решила не рассказывать родителям о настоящих мотивах своего возвращения, то есть о самоубийстве подруги. Еще не хватало, чтобы ее мать, у которой в каждом углу стоит по иконе, принялась так же причитать и голосить, как мать Ольги. Второй истерики с призывами «отмаливать грехи» Ксения бы просто не вынесла.

– Ну и ладно! – Отец поддержал ее за локоть и поднял сумки с пола. – Ты же ведь ненадолго? Найдешь другую квартиру и съедешь…

– Да мне бы только диплом защитить, и все… – И нерешительно постучала в дверь.

– Кто там? – недовольный голос Нины Гавриловны заставил Ксению съежиться. Она очень волновалась, как мать воспримет ее возвращение.

– Мы! – отец выглядел вполне довольным. – Я соскучился по тебе, дочка! – Он притянул Ксению к себе и поцеловал в висок.

– О! – Нина Гавриловна вытерла мокрые руки о неизменное трико. – А ты чего здесь? – обратилась она к дочери.

– Ее из квартиры турнули, – пояснил отец, занося сумки. – Поживет пока у нас.

– Ну, ладно! – Нина Гавриловна попятилась в глубь коридора и тут же начала причитать: – Горе-то какое! Ксения, ты раньше меня предупредить не могла? Нам и ложить-то тебя некуда! Спать-то тебе где?

– В ванной пусть спит, – не желая раздувать конфликт, предложил отец. – Она и сама не знала заранее… Да она и ненадолго: погостит немного у стариков-родителей – и опять в молодую веселую жизнь.

Ксения молча сняла грязные, промокшие кроссовки и сразу же пошла в ванную – на свое новое законное, так сказать, место. Умылась, переоделась в сухое и вышла на кухню. Нина Гавриловна штопала свитер, отец смотрел телевизор, Машка спала, братья где-то гуляли.

– Голодная? – подняла на нее глаза мать. – На плите гречка, можешь поесть.

– Нет, спасибо. – Ксения замешкалась. – Я, наверное, пойду, мне вроде как на работу надо.

Неделя отпуска, щедро отпущенная ей Евгением, еще не закончилась, но Ксюше просто хотелось вырваться из родительского дома. А больше идти ей было некуда. Подруги больше нет, любимого человека, похоже, тоже, остались только ларек и институт.

Закончить институт сейчас стало для Ксении задачей номер один. «Получу диплом и сразу уеду отсюда. Поеду в Москву. Там и работа, и жилье сниму», – думала девушка. А насчет Макса? Она даже не знала. Может быть, ей стоило первой позвонить и извиниться? «Дорогой Макс! Прости меня за то, что моя подруга не соответствовала твоим высоким моральным требованиям!» Как-то так?

Ксения подошла к ларьку и постучала в дверь.

– Кто там? – выглянула Люба, ее дневная сменщица. – О! А ты чего здесь? Евгений сказал, тебя еще три дня не будет.

– Да я вернулась вот… – Ксения замешкалась. – Я сегодня в ночную выйду… я вернулась.

– Ну ладно! – Люба пожала полными плечами. – Ты Евгению только скажи, а то я опять крайней буду. Он злой какой-то ходит… Может, проблемы у него с бизнесом…

– Какие проблемы? – заинтересовалась Ксюша. – Серьезные?

– Я и не знаю, – отмахнулась женщина. – Деньги он мне платит, а остальное меня не касается. У тебя до смены еще четыре часа, иди пока домой.

– Ладно, я пойду… – Ксения отошла от ларька и огляделась. Куда идти? К кому? Она потопталась немного на месте и снова вернулась к Любе. – Можно я здесь посплю пока? Ты не против?

– Идти некуда, что ль? – сообразила сменщица. – Ты же вроде с подругой квартиру снимаешь?

– Похоронила я сегодня подругу, – неожиданно для себя произнесла Ксения, – вот как раз сегодня и похоронила.

Люба замерла, затем открыла двери и пустила Ксению внутрь.

– Может, выпьешь? – Люба достала из-под стула припрятанный ликер. – У меня здесь заначка – вишневый, вкусный.

– Ох нет, спасибо! – Ксения легла на кушетку и отвернулась к стене. – Ты разбуди меня, когда твоя смена закончится, ладно?

– Разбужу, – пообещала Люба и притихла.

Но как следует выспаться Ксюше не удалось.

– Вставай! – Сменщица трясла ее за плечо. – Пришли к тебе…

– Кто? Женя? – девушка спросонья не могла ничего понять.

– Нет, парень какой-то… – Люба пожала плечами. – Ничего… смазливенький такой…

«Максим!» – сообразила Ксения и сразу же проснулась. Она пригладила волосы и вышла из киоска на улицу.

– Я к тебе домой приехал, а бабка говорит, ты съехала три дня назад… – Максим переминался с ноги на ногу. Он хорошо выглядел – гладкий, розовощекий, в новом джемпере и довольный жизнью. Неожиданно Ксения почувствовала к нему жгучую ненависть.

– Сегодня похороны были! – Она подошла к Максу вплотную. – Я Ольгу закопала. Сегодня.

– Я же не знал, что именно сегодня… – похоже, парень испугался такого напора и растерялся.

– Не знал или не хотел знать? – Ксении так и хотелось заехать ему по физиономии во второй раз.

– Я ничего не знал… – Макс осторожно, словно она была заразная, дотронулся до ее руки. – Давай в машину… поговорим… чтобы не на виду…

Ксения пошла за ним следом, но в автомобиль не села, прислонилась к багажнику и закурила.

– Где ты сейчас живешь? – первым нарушил молчание Максим, не забыв, впрочем, отойти подальше от Ксении – сигаретный дым по-прежнему оставался его врагом.

– У родителей, – пожала плечами девушка.

– Ты вроде говорила, там и повернуться негде… – Макс выглядел устало.

– Мне больше некуда идти…

Внешне Ксения казалась спокойной и даже безразличной. Но на самом деле думала, что, если бы Максим ее действительно любил, сейчас ему следовало сказать: «Я люблю тебя, выходи за меня замуж, и мы будем жить вместе». Но Максим упрямо молчал.

Ксюша докурила сигарету, искоса взглянула на Максима и тотчас опустила глаза. Любимый казался крайне недовольным, но выяснять, чем же она так провинилась, Ксюша не могла и не хотела.

– Я пойду, Макс! – Она уже сделала шаг в сторону, когда парень подошел к ней и обнял. Ксюша в этот момент чувствовала себя бездушной куклой, манекеном, а не живым человеком.

– Постой! – Он начал целовать ее, все настойчивее и настойчивее прижимая к себе. – Я же люблю тебя! Зачем ты так!

Ксюша с омерзением вырвалась и бросилась обратно в ларек.

Глава 6

Нина Гавриловна поставила Ксюше раскладушку на кухне. Поскольку в разобранном виде раскладушка полностью перекрывала путь к плите, то спать Ксюша могла только тогда, когда мать не планировала готовить, никто не хотел есть или даже просто выпить чаю. Да, собственно, первую неделю дома она практически и не спала: наверстывала упущенное в институте, бегала на преддипломную практику, ночами работала в ларьке. Макс так ни разу больше не появился, а Ксения решила пока оставить все как есть и сама ему тоже не звонила – слишком сильна еще была обида. Одно было хорошо – пока обходилось без семейных конфликтов: мать к Ксении не цеплялась, денег не просила и никаких претензий не предъявляла.

Однако спустя неделю Нина Гавриловна все же приступила к выяснению отношений. Ксения вернулась с работы в пять часов утра и пыталась подремать пару часов перед учебой, но уже в седьмом часу была разбужена самым решительным образом.

– Нам надо поговорить! – Мать зашла на кухню и закрыла за собой дверь.

– Что? А? – встрепенулась заспанная Ксюша и села на раскладушке, протирая глаза.

– Вчера, пока ты была на работе, приходил следователь. – Нина Гавриловна убрала с усталого лица прядь седых волос. – Он сказал, ты являешься свидетелем по делу о самоубийстве твоей соседки. Это так? Так вот почему тебе негде жить и ты вернулась домой! Теперь я понимаю! Но я не могу понять, почему ты мне ничего не сказала?! Мне было стыдно, я выглядела перед следователем полной дурой!

У Ксюши оборвалось сердце. Она и сама не понимала, как забыла сказать матери о возможном визите следователя. Тот ведь предупреждал, что заглянет по месту прописки.

Одно радовало: из обвиняемой она стала всего лишь свидетелем по делу.

– Я не хотела тебя расстраивать! – пробормотала Ксюша первое, что пришло ей в голову, поднялась с раскладушки и подошла к раковине, чтобы умыться.

– Но даже это меня не так поразило! Оказывается, твоя подруга сделала аборт!

Вот именно этого Ксения и боялась: она прекрасно знала свою мать, которая вешала иконы в каждом углу, а распятье у нее было приколочено как раз над кроваткой, где спит Маша. Ее мать исправно ходила на исповедь и всегда подавала милостыню (деньги, которые ей давала Ксения) нищим у церкви, но настоящее милосердие к людям проявляла неохотно и крайне избирательно.

– У меня было четыре беременности, и я родила вас всех! – Лицо матери покраснело, на лбу пульсировала жила. – Мы никогда не жили богато, но это не главное! Главное, я дала всем вам жизнь, а не стала преступницей! Самое

главное – это человеческая жизнь! Бог дает ребенку душу сразу же, как только женщина узнает, что беременная! Как можно было решиться на аборт? Она же стала матерью мертвого ребенка! Как только ее поганые ноги в это нечистое место понесли, где эти гады (она так и сказала – гады) делают аборты?

– Господи! – Ксения просто не могла больше слушать эти проповеди. – Зачем ты мне это говоришь?! Не я же аборт сделала!

– Мне стыдно, мне чудовищно стыдно за свою дочь, которая дружила с такой… – Нина Гавриловна уселась на раскладушку, а видавшая виды конструкция натужно заскрипела под тяжестью ее тела. – Но я хотела поговорить не только об этом!

Ксения напряглась и, не желая встречаться с матерью глазами, медленно поставила на огонь чайник.

– У отца на работе стали задерживать зарплату… – Нина Гавриловна громко всхлипнула. – Его начальник, этот больной ублюдок… Ему все равно, что у твоего отца трое несовершеннолетних детей и больная жена! Нам скоро будет нечего есть, а ему все равно! Как только такие люди живут? Его Бог накажет! Зло будет наказано! Бог все видит! Бог не оставляет своих детей!

Ксения молчала, страшась даже посмотреть на мать.

– Ксения! Да повернись же ты! – мать раздраженно хлопнула рукой по коленке и сморщилась от боли. – Я с твоей спиной должна разговаривать?!

Суровый окрик заставил девушку повернуться.

– Ксения, тебе надо найти какую-то нормальную работу – на весь день… – Нина Гавриловна тяжело вздохнула. – Эти гроши, которые ты нам приносишь… это даже не деньги. Это – ничего! Вон у тети Любы дочка работает продавщицей в магазине, приносит домой хорошие деньги. Говорит, у них место освободилось. Я думаю, тебе надо туда пойти.

– Я не могу! – едва выдохнула Ксения. – У меня через месяц диплом, защита, а потом я…

– А что мы есть будем этот месяц? – Нина Гавриловна расплакалась. Она сидела на раскладушке – полная, неопрятная и уставшая женщина, – трясла седой головой и ревела в голос. – Машка болеет! У Кольки нет обуви! Отец твой зарплату больше не приносит! Ох, бедная я бедная! Что делать? Как жить дальше? Одна надежда на Бога… Не оставит меня и моих кровиночек…

– Мне пора в институт!

Сил слушать все это у Ксении уже просто не осталось. Вылетев из кухни, она быстро оделась, побросала в сумку первые попавшиеся тетради и, даже не причесавшись, выбежала из квартиры.

У подъезда она остановилась и закурила. В таком виде в институт идти было нельзя, надо было сначала привести себя в порядок, а уж потом…

«Может, перенести защиту на осень? Не самый худший вариант», – подумала девушка. Все равно она сейчас живет на «автопилоте», голова до сих пор занята Ольгой и этой трагедией, а еще разрыв с Максом, и вполне можно просто завалить защиту дипломного проекта. «Может быть, мать и права, – Ксюша уселась на скамейку, решив взвесить все „за“ и „против“, – сейчас можно спокойно поработать, накопить денег, половину отдать матери, на остальные снять себе комнату. А осенью спокойно защитить диплом и сразу же уехать в Москву. С другой стороны, конечно, откладывать защиту вроде бы не совсем правильно. Мало ли, до осени может всякое случиться».

Ксения попыталась расчесать пальцами спутанные волосы, но не преуспела. А вот мысль о переносе защиты диплома на осень казалась ей все более и более удачной. Неожиданно для самой себя Ксения решила обсудить этот вопрос с Максимом. Телефон-автомат располагался на углу у дома. Девушка зашла в кабину и набрала домашний номер любимого. В столь ранний час Максим сам взял трубку.

– Да?

– Макс? Нам надо поговорить! – Ксения уже чувствовала, как обида постепенно уходит из сердца.

– Конечно! – слышно было, как парень обрадовался. – А ты где сейчас? Я тебя заберу!

– Я у подъезда… у родителей… – Ксения слишком поздно вспомнила, что выглядит сейчас не лучшим образом.

– Жди, через десять минут подъеду! – И Макс бросил трубку.

Ксения решила вернуться на лавочку и там дожидаться Максима. Но неожиданно столкнулась с матерью, опрометью выскочившей из подъезда. Растрепанная Нина Гавриловна в старой, уже не застегивающейся на располневшем теле куртке куда-то явно спешила.

– А ты чего сидишь? Говорила, на лекции опаздываешь! – спешка не помешала Нине Гавриловне сделать дочери очередное замечание.

– Я сейчас уже пойду… – смутилась Ксения. – А ты куда? В магазин?

– Нет! – женщина запахнула полы куртки и поежилась. – У Машки сыпь какая-то выступила… Я в церковь за святой водой… Надо ей попить дать да обмыть, тогда скорее поможет.

– Понятно! – Ксения кивнула. – Ты иди! Как бы сама не простудилась!

Еще не хватало, чтобы они с Максимом встретились! Выглядела Нина Гавриловна, мягко говоря, не очень презентабельно: в старой расстегнутой куртке прямо поверх неряшливого домашнего халата, стоптанные кроссовки на босу ногу, а сами ноги голые, белые, изуродованные узлами варикозных вен.

Макс подъехал минуты через три, и хотя мать уже успела уйти со двора, Ксения все равно быстро забралась в машину и сразу же попросила:

– Поехали! Не хочу светиться возле дома!

Макс повернул налево и припарковался в чужом дворе, причем выключил двигатель, а это явно предвещало серьезный разговор. Парень повернулся к Ксении:

– Я долго думал… Я люблю тебя, Ксения. Думаю, нам надо жить вместе! – и нежно взял ее за руку.

Ксюша немного опешила: с одной стороны, она была безумно рада примирению, но с другой, все-таки не совсем поняла, что именно предлагал ей Макс.

– Мы поженимся и будем жить вместе? Ты этого хочешь? – Ксения посмотрела на парня с тревогой и крепко сжала его пальцы. – Ты мне так предложение делаешь? Да?

– Ну… вообще-то не совсем… Насчет женитьбы… Я не могу… – Он замялся, но руки не отпустил. – Пойми, мои родители против свадьбы! Они считают, сначала нужно устроиться на работу, начать зарабатывать нормальные деньги, а потом уже заводить семью! Мы же сейчас оба безработные! Ты сама подумай! Какая свадьба?

Ксения отдернула руку. Наверное, это было слишком грубо, но девушка чувствовала себя униженной и будто какой-то второсортной:

– А я уже работаю – мне мать нашла работу! Вот именно об этом я и хотела с тобой поговорить.

– А как же диплом? – не мог скрыть удивления Макс.

– На осень перенесу. У нас многие так поступают. А пока заработаю нам денег на первое время. Потом и ты найдешь работу, и все будет нормально. – И, хотя Ксюша хотела казаться уверенной в себе оптимисткой, она все равно заметно волновалась. Предложение Макса «просто жить вместе», показалось ей обидным – словно она какая-то дешевка, а не его любимая девушка, его невеста.

– Ну… я даже не знаю… – как-то недовольно протянул Максим и отвернулся.

Ксения вспомнила, что за этот месяц они почти ни разу не целовались. Если не считать того случая у киоска… Неужели они действительно могут расстаться? Ксения почувствовала приступ паники: жизни без Макса она не могла себе представить.

– Я… я буду работать! – пролепетала она в отчаянии. – И свадьбу нам не надо! Платье, гости… К чему нам это? Давай мы просто распишемся – и все…

Ксюша едва не плакала: на самом деле, ей очень хотелось и красивое белое платье, и пышную фату, и белую «Волгу», украшенную глупым пупсом, и веселого тамаду, и даже бросать подружкам букет тоже хотелось. Ей хотелось праздника, ведь в ее жизни пока было так мало хорошего.

– Ладно, ладно! Так я согласен! Все эти платья и гости – это просто тупая трата денег. Хотя вряд ли моим родителям понравится такая скорая свадьба! – Но и в голосе Максима Ксюша особой радости не почувствовала.

– Мы вместе уже столько времени! Ты был моим первым мужчиной! Сколько еще должно пройти лет, чтобы ты на мне женился? И ты мне предлагаешь жить вместе? В качестве кого? Любовницы? – Девушка все же сорвалась, от стыда и унижения у нее горело лицо.

– Откуда столько пафоса? Я просто хотел тебе помочь! Ты постоянно цепляешь какие-то проблемы! Это тебе жить негде, а не мне! – разозлился и Максим.

– Значит, я нищенка, которую ты пожалел?

Вся нервотрепка последнего времени вылилась в истерику. Ксюша громко разрыдалась и выскочила из машины. А Максим вовсе не бросился за ней следом, наоборот, парень завел машину и, пронзительно взвизгнув шинами, сорвался с места.

Ксения добралась до института, написала заявление на перенос защиты диплома на осень и сразу же поехала в ларек. Куда угодно, лишь бы не домой. В киоске неожиданно оказался Евгений. Хозяин мрачно посмотрел на зареванную Ксению и вывел ее на улицу.

– Что у тебя еще случилось? – Евгений закурил.

– У отца на заводе задерживают зарплату… Нам не на что жить! – Ксения шмыгала носом. – Я только что перенесла защиту – диплом буду осенью защищать, а пока днем надо работать. Мать мне нашла работу, но я и у тебя

тоже буду работать, – поспешно пояснила Ксения. – Мне сейчас очень нужны деньги.

– Деньги всем нужны… – философски заметил Евгений. – А вот защиту зря перенесла – это ошибка. Столько времени потратила на учебу, диплом надо получить обязательно.

– Но я же не собираюсь бросать! – с жаром начала оправдываться Ксения. – Я же только до осени… На время отложила… вот заработаю немного денег…

– Как сказал один умный человек: «Нет ничего более постоянного, чем временное!» – И спохватившись насчет неуместности цитаты, Евгений неловко приобнял девушку за плечи. – Но я не лезу. Это твоя жизнь и твой выбор, тем более я тебе никто. А как же жених твой? Он тебе поможет?

– Он не против… это же на время, и скоро все наладиться… он понимает… – немного исказила реальность Ксения.

– Хорошо, если так! – Женя отстранился и как-то криво усмехнулся. – Ситуация в стране тяжелая. Мне кажется, в ближайшее время нас ждут большие потрясения. Вполне возможно, мне тоже придется все бросить… Временно…

– Как бросить? – Ксения изменилась в лице. – Ты хочешь закрыть свои киоски?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gordina_elena/ya-kuplyu-tebe-novuyu-zhizn

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити